

Южноукраинский национальный педагогический университет
имени К. Д. Ушинского

Одесский археологический музей НАНУ

Археология, история и политика в Транснистрии 1941-1944 гг.

Раду-Александру Драгоман

При участии
Андрея В. Красножона
и
Кэтэлина И. Николае

Перевод (румынский, русский):
Денис Топал,
Сергей Попович

Харьков
«Фолио»
2023

Universitatea Pedagogică de Stat al Ucrainei de sud K.D. Ușinski
Muzeul de Arheologie din Odessa al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei

Arheologie, istorie și politică în Transnistria, 1941-1944

Radu-Alexandru Dragoman

Cu două contribuții de
Andrei V. Krasnojon
și
Cătălin I. Nicolae

Traducere (limba română, rusă):
Denis Topal
Sergiu Popovici

Kharkiv
«Folio»
2023

Содержание

Пролог	9
ГЛАВА 1. Темное прошлое	12
<i>Исторический контекст .....</i>	<i>12</i>
<i>Память о Холокосте в Румынии.....</i>	<i>17</i>
<i>Неудобные страницы прошлого румынской археологии .....</i>	<i>19</i>
ГЛАВА 2. Культурное наследие, национальная идеология и колониализм в «румынской» Транснистрии	22
<i>Политика режима Антонеску в отношении культурного наследия Транснистрии .....</i>	<i>22</i>
<i>Культурное наследие СССР и политика Румынии и нацистской Германии в 1941-1944 гг. ....</i>	<i>26</i>
<i>Прошлое как пропаганда .....</i>	<i>28</i>
<i>Археология как оружие .....</i>	<i>32</i>
<i>Колониальная археология.....</i>	<i>34</i>
ГЛАВА 3. Деятельность Одесской трофейной службы по материалам архивных документов (Андрей В. Красножон).....	36
<i>Судьбы утраченных экспонатов .....</i>	<i>36</i>
<i>Архивные свидетельства.....</i>	<i>38</i>
<i>Реквизиция Нумизматического кабинета.....</i>	<i>50</i>
<i>Вывоз библиотек и антиквариата.....</i>	<i>54</i>
<i>Музей после СКОД .....</i>	<i>60</i>
<i>Некоторые итоги.....</i>	<i>66</i>
Эпилог	68
ПРИЛОЖЕНИЯ	131
<i>Приложение I. Иллюстрации .....</i>	<i>133</i>
<i>Приложение II. Выступления Раду Вулпе на радио о Бессарабии и Транснистрии (Кэтэлин И. Николае).....</i>	<i>141</i>
<i>Приложение III. Фотокопии архивных документов.....</i>	<i>171</i>
Список иллюстраций	627
Список документов	628
Литература	636
Список сокращений.....	641
Об авторах	642

Cuprins

Prolog	73
CAPITOLUL 1. Un trecut întunecat	75
<i>Contextul istoric</i>	75
<i>Memoria Holocaustului din România</i>	79
<i>Pagini inconfortabile din trecutul arheologiei românești</i>	81
CAPITOLUL 2. Patrimoniu cultural, ideologie națională și colonialism în Transnistria «românească»	85
<i>Politica regimului Antonescu față de patrimoniul din Transnistria</i>	85
<i>Patrimoniul URSS și politicile României și Germaniei naziste în anii 1941-1944</i>	89
<i>Trecutul ca propagandă</i>	90
<i>Arheologia ca armă</i>	94
<i>O arheologie colonială</i>	96
CAPITOLUL 3. Activitatea Serviciului de Capturi Odessa pe baza documentelor de arhivă (Andrei V. Krasnojon)	97
<i>Soarta exponatelor pierdute</i>	97
<i>Mărturii de arhivă</i>	99
<i>Rechiziția Cabinetului numismatic</i>	110
<i>Expedierea bibliotecilor și a pieselor de patrimoniu</i>	114
<i>Muzeul în perioada post-SCOD</i>	119
<i>Câteva concluzii</i>	125
Epilog	127
Anexe	131
<i>Anexa I. Ilustrații</i>	133
<i>Anexa II. Conferințele radiofonice despre Basarabia și Transnistria susținute de Radu Vulpe (Cătălin I. Nicolae)</i>	157
<i>Anexa III. Fotocopii ale documentelor de arhivă</i>	171
Lista ilustrației	627
Lista documentelor	626
Referințe bibliografice	636
Lista abrevierilor	641
Note privind contributorii	643

Пролог

Среди проблем, связанных с изучением истории археологической науки, одной из актуальных и наиболее обсуждаемых в различных европейских странах остается проблема манипуляции нацистской идеологией в 1933-1945 гг. данными о далеком прошлом. Исследования на эту тему материалов из различных архивов охватывали не только Германию, но и территории, аннексированные или оккупированные ею как в Восточной, так и в Западной Европе (Legendre *et al.* 2007; Leube și Hegewisch 2002; Olivier 2012). Однако Румыния до сих пор так и не стала объектом подобного внимания со стороны историков науки, археологов, хотя во время Второй мировой войны она была одним из ключевых союзников нацистской Германии, наравне с фашистской Италией. А учитывая ее активность на Восточном фронте между 1941 и 1944 гг., и вовсе не стоит недооценивать статус Румынии и считать ее второстепенным партнером гитлеровской Германии (Axworthy 1995; Deletant 2010).

Представленное вниманию читателя исследование призвано помочь заполнить этот пробел, а также выявить взаимосвязь между политическим и военным режимами – с одной стороны, и археологией – с другой, в странах, которые были связаны с Третьим рейхом¹. Исходя из предпосылки, что «история археологии – это не история прошлого как таковая, а археология нашего настоящего» (Jensen 2000: 12), целью этой книги является стремление побудить к размышлениям о современных археологических установках и практиках и их связях с политическими идеологиями. Появление этой книги напрямую связано с моим желанием понять социально-политические аспекты археологических штудий в Румынии (Dragoman, Oanță-Marghitu 2013), включая рефлексивные, контекстуальные и критические знания по истории румынской археологии (Dragoman 2017).

Официальная история археологической науки в Румынии формирует имидж такой дисциплины, которая находится в постоянном прогрессе, которая аполитична, с исключительно академическим духом, исследовательскими интересами. В официальном дискурсе все, что контрастирует с этим светлым образом – либо замалчивается, либо удаляется из поля зрения как «аномалия», «исключение», которое неправильно характеризует эпистемологические основы дисциплины в целом или румынской археологии в частности².

В этой книге рассматривается официальная политика, проявленная в отношении культурного наследия на территории «румынской» Транснистрии в 1941-1944 гг., режимом Антонеску. Кроме того, в неожиданном свете предстают такие сферы научных знаний, как археология и история древности, послужившие политическим инструментом в ходе войны, развернутой против Советского Союза и в деле реализации планов Холокоста. Сегодня эта тема весьма чувствительна, поскольку подвергает ревизии официальный имидж румынской археологической науки, а также заставляет рефлексировать

---

¹ За исключением фашистской Италии (Galaty, Watkinson 2004), мне не известны исследования, посвященные другим европейским государствам, связанных с Третьим рейхом – Венгрии, Словакии, Болгарии, Финляндии – но вполне возможно, что такие исследования существуют.

² Например, публикация в 2013 г. политических, легионерских мемуаров выдающегося деятеля румынской археологии М. Думитреску-Дымбовицы (Dumitreseu 2013), которые мы обсудим ниже, вызвала бурю негодования. По словам тогдашнего директора Института археологии им. Василе Пырвана в Бухаресте, «рукопись нужно было сжечь, а не публиковать» (Александру Вулле, личное сообщение).

археологическую науку Румынии по части собственной истории развития, из которой политические и идеологические отголоски доносятся до наших дней. В общественно-политической жизни и медийном пространстве факты участия Румынии в нападении на Советский Союз, управлении землями Поднестровья (Транснистрии) и особенно холокост, осуществленный на территории между Днестром и Бугом, порождают неоднозначные выводы в неутрачивающих спорах.

Подобные давние опасения по-прежнему влияют на характер освещения современными археологами озвученных проблем, не говоря уже о том, что их профессиональная деятельность стала орудием в руках политических оппонентов в своей стране.

Показательно, что мое намерение издать эту книгу в Одессе (Украина) некоторые из румынских коллег считали пагубным, поскольку она может быть кем-то использована в своих политических целях. Затем последовал совет опубликовать эту работу в своей стране. Так что, данная фобия жива до сих пор. К числу подобных примеров относится дискуссия, которая велась в межвоенный период вокруг работы «Михай Витязул», опубликованной Петре Панаитеску в 1936 г. и подвергшейся яростной критике со стороны Николае Йорги (Panaitescu 2002a; Iorga 2002). Основное обвинение, предъявленное в адрес П. Панаитеску, состояло в том, что его новые интерпретации (особенно тот факт, что Михай Витязул не был сыном князя, впал в зависимость от политики бояр, провалив реализацию политики национального единства) «низводят великую фигуру нашей нации и предоставляют оружие нашим врагам, количество которых не уменьшается после реализации наших стремлений к национальному единству, но, напротив, они становятся все более многочисленными и жестокими» (Iorga 2002: 277). Проще говоря, исторические интерпретации П. Панаитеску вполне подпадают под понятие «преступление против народа» (Panaitescu 2002b: 281). Позиция Н. Йорги, согласно которой «историческая правда всегда может быть согласована с национальным престижем», была подвергнута иронии П. Панаитеску со словами: «Какая удача, что всегда и без исключения эта историческая правда находится в наших интересах, а не в интересах венгров или турок!» (Panaitescu 2002b: 279). Можно добавить – или других соседей Румынии. В отличие от Н. Йорги, для П. Панаитеску «единственный патриотизм, допустимый в истории – это говорить правду, восстанавливать ее таким образом, чтобы способствовать развитию национальной науки, к которой вы принадлежите» (Panaitescu 2002: 279). Я ценю позицию П. Панаитеску, но для меня важна не «историческая правда» (всегда относительная, многогранная и противоречивая), а «правда живой жизни», если придерживаться выражения Варлама Шаламова. Наконец, моя собственная позиция в отношении поднятых в этой книге проблем, исходит не из профессиональной этики археолога, а из моей христианско-православной веры, в рамках которой истина является не объектом исследования, а Личностью (Христом). Христос призывает любить всех людей, включая причиняющих нам вред, а также быть солидарным со страданиями нашего ближнего, кем бы он ни был. Это давний, весьма радикальный библейский посыл, который слишком часто подвергается пересмотру в угоду социально-политическим «потребностям» мира.

* * *

Наконец, своей приятной обязанностью считаю выразить искреннюю признательность Роксане Добреску за обеспечение доступа к архивам Института археологии им. Василе Пырвана Румынской академии наук в Бухаресте, а также Анке Башотэ – за оцифрованные документы и Рэвану Мирикэ за указание на некоторые исторические источники. Особая благодарность Андрею В. Красножону, который внес в книгу важную главу

(3) и бесчисленное количество предложений, что значительно улучшило текст. Я бесконечно признателен Кэтэлину И. Николае – не только за оригиналы радиовыступлений Раду Вулпе, опубликованные в этой книге (см. Приложение II), но и за тот большой объем информации, которым он со мной поделился. Приношу благодарность Ульрике Зоммер и Кати Мехо за возможность использовать в июне 2018 г. библиотеку Института археологии Университетского колледжа Лондона, где я нашел один из важнейших источников для этого исследования. И последнее, но не менее важное: я благодарю своих друзей из Кишинева, Серджиу Поповича и Дениса Топала, за идею двуязычного издания книги, а также работу по ее переводу на русский язык.

Глава 1

Темное прошлое

Исторический контекст

Лето 1940 г. обернулось политической катастрофой для Румынии. В июне, после предъявленного ультиматума, Бессарабия и Северная Буковина попали под оккупацию Советской армии в соответствии с предписанием секретного протокола, прилагаемого к пакту, заключенному в сентябре 1939 г. между Германией и Советским Союзом – так называемому пакту о ненападении Молотова-Риббентропа (рис. 1). В августе 1940 г. под давлением нацистской Германии и фашистской Италии, Румыния была вынуждена уступить Венгрии другой регион – Северную Трансильванию. Результатом этих территориальных потерь стали массовые протесты и, как следствие, отречение короля Кароля II в сентябре 1940 г. и установление нового режима во главе с генералом (на тот момент) Ионом Антонеску³. Оставшись без политической поддержки и столкнувшись с экспансией нацистской Германии, а также из-за легионерского движения в новом правительстве, Румыния присоединилась несколько месяцев спустя к странам «оси». Вскоре после этого, сумев ликвидировать легионерское движение, в январе 1941 г. генерал Антонеску стал единоличным правителем страны.

22 июня 1941 г. Германией были начаты военные действия против Советского Союза в рамках операции «Барбаросса», в которых также участвовала и Румыния (рис. 2). Последняя стремилась восстановить утраченный контроль над Бессарабией и Северной Буковиной. Однако под командованием Антонеску румынская армия продолжала наступление и за пределами данных территорий, аннексированных Советским Союзом, что вызвало протесты некоторых румынских политиков, которые считали эти действия незаконными. Причина продолжения наступления Антонеску крылась в его убеждении, что только военное поражение Советского Союза может обеспечить дальнейшую безопасность границ Румынии. Также маршала тешила надежда на будущую поддержку со стороны нацистской Германии, в обмен на лояльность в деле возвращения Румынии Северной Трансильвании. Немалую роль сыграли и абстрактные соображения. Такие как вера в то, что война против Советского Союза являлась «идеологическим крестовым походом против языческого коммунизма», «актом христианской справедливости» (Deletant 2010: 94).

В нападении на Советский Союз принимало участие 585000 румынских солдат. Румыния выставила тогда третью по численности армию на европейском театре военных действий (Deletant 2010: 10). После освобождения Бессарабии и Северной Буковины румынская армия захватила Одессу, участвовала в оккупации Крыма, а с 28 июня 1942 г. отметилась в реализации плана «Блау» по захвату Сталинграда. В битве за Сталинград

---

³ Ион Антонеску (1882–1946 гг.) был кадровым офицером и государственным деятелем. С 4 сентября 1940 г. по 23 августа 1944 г. он занимал пост премьер-министра Румынии с титулом «Кондуктор (вождь) государства». 23 августа 1944 г. был арестован и освобожден от должности королевским указом, после чего передан румынским коммунистам, а затем и советским властям. Он находился под следствием в Советском Союзе почти два года. В 1946 г. был возвращен в страну, осужден Народным трибуналом в Бухаресте за военные преступления и приговорен к смертной казни. Антонеску был расстрелян 1 июня 1946 г. в Жилаве вместе со своими бывшими соратниками.

были уничтожены две румынские армии с общим числом потерь в 155010 погибших, раненых и пропавших без вести. Эта цифра приравнивалась «больше чем половине из 31 румынской дивизии, задействованной в этом сражении, и составляла четверть всех румынских войск, привлеченных на Восточный фронт» (Deletant 2010: 110). Двадцать третьего августа 1944 г., после вступления советских войск в Бессарабию и начала Яско-Кишиневской операции, ряд политиков во главе с королем Михаем I решили арестовать маршала Антонеску, осудить союз с нацистской Германией и вступить в антигитлеровскую коалицию. С лета 1944 г. и до конца войны, румынская армия участвовала с 16 дивизиями в советских кампаниях на территории Северной Трансильвании, Венгрии, Чехословакии и Австрии, в которых она потеряла еще 170000 человек, заняв четвертое место после Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании по числу военных потерь (Deletant 2010: 294).

Но до августовского переворота, в разгар наступления Антонеску, ход войны привел к тому, что в состав государства вошли территории, которые никогда не принадлежали ни средневековой Молдавии, ни Великой Румынии, объединенные в рамках т.н. губернаторства Транснистрия. В обмен на северную Трансильванию Гитлер предложил Антонеску захватить территорию между Днестром и Днепром, но последний взял на себя ответственность только за территории между Днестром и Бугом. Правительство Транснистрии было создано в августе 1941 г. со столицей в Тирасполе, но вскоре после взятия Одессы 16 октября того же года, именно этот причерноморский город был назначен административным центром провинции (рис. 3), а губернатором стал Георге Алексиану⁴ (см. также Deletant 2010: 180 и далее).

Во вновь созданной области проживало 2500000 человек, из которых 200000 были молдаванами, согласно результатам переписи, проведенной в 1941–1942 гг. (Solonari 2016: 590). По мнению Дениса Делетанта, маршал Антонеску не согласился на присоединение Транснистрии к Румынии (несмотря на настойчивость Гитлера в этом вопросе) по серии причин, основная из которых была

«вызвана его стремлением восстановить статус-кво по территориям на период начала лета 1940 г. – не только в Бессарабии и Северной Буковине, но и в Северной Трансильвании [...]. Второй причиной отказа Антонеску от аннексии Транснистрии стало его мнение, что антисоветская война является оборонительной, направленной на нейтрализацию угрозы советского большевизма против Румынии. По мнению Антонеску, аннексия Транснистрии стала бы сродни попытке «посыпать солью русские раны», что только усилило бы враждебность России» (Deletant 2010: 181).

В отличие от Д. Делетанта, Владимир Солонарь (2016) считает, что официальная политика в отношении захваченной территории Транснистрии был куда более противоречивой.

---

⁴ Георге Алексиану (1897–1946 гг.) был губернатором Транснистрии до 1944 г. 23 августа 1944 г. он был арестован вместе с группой маршала Антонеску и доставлен в Москву, а затем в Одессу. В 1946 г. он был возвращен в Румынию, обвинен Народным трибуналом в Бухаресте в военных преступлениях, а также преступлениях против мира и человечности и приговорен к смертной казни. Расстрелян 1 июня 1946 г. в Джилаве вместе с маршалом Ионом Антонеску, Михаем Антонеску и Ионом З. Василиу (бывшим командующим жандармерией).

По словам Михая Антонеску⁵, вице-президента Совета министров в годы войны, захват Транснистрии сыграл бы стратегическую роль в продолжении наступления на Советский Союз, но особенно в послевоенных мирных переговорах, в ходе которых предполагалось вернуть Северную Трансильванию – что в приоритете правительства Румынии (Solonari 2016: 587). В то же время, аннексия Транснистрии была не только правом, но и обязанностью Румынии, причем в качестве основных доводов приводилось присутствие значительного румынского населения в ней. А также необходимость демонтировать то, что Михай Антонеску назвал «единством славян», которое рассматривалось как историческая угроза европейской цивилизации (Solonari 2016: 587-588). Таким образом, аннексия Транснистрии подразумевала политику этнической чистки, направленную на «уменьшение мощи и биологического потенциала славянского мира» (цитата Михая Антонеску по Solonari 2016: 588). Демонстрируя желание маршала аннексировать Транснистрию изначально, В. Солонарь также цитирует заявления Иона Антонеску, сделанные по случаю заседания Совета министров 26 февраля 1942 г. По его словам, Транснистрия станет румынской провинцией и будет румынизирована, все иностранцы будут выселены из новой провинции, чтобы освободить место для румын, которые будут отправлены обрабатывать землю (Solonari 2016: 588).

Румынская администрация в Транснистрии была воспринята местным населением противоречиво. С одной стороны, первый период оккупации, с осени 1941 г. по весну 1942 г., характеризовался хаосом, а второй период оккупации, с весны 1942 г. до зимы 1943 г. – относительным спокойствием, стабильностью, частичным восстановлением экономики, улучшением уровня жизни по сравнению с советским периодом, возобновление работы церквей и обеспечением свободы вероисповедания и т. д. Для нееврейского населения румынская оккупация «казалась менее суровой и значительно более доброжелательной, чем германское правление в других частях советской территории или русская администрация» (Deletant 2010: 183). Однако в целом румынская администрация Транснистрии «отличалась коррумпированностью, непостоянством и некомпетентностью» (Deletant 2010: 183).

Выразительной чертой румынской политики в Транснистрии, является отношение к ней как колонии. Ряд экспертов, бюрократов и политиков Румынии в те годы выразили свое восхищение «цивилизаторской» политикой фашистской Италии в Ливии, считая ее достойным примером для подражания в отношении Транснистрии. Этот взгляд разделял Ион Антонеску (Solonari 2016: 593-594). В публичных выступлениях в 1942 г. (например, Михая Антонеску в Одесском университете или в Бухаресте, по случаю открытия выставки «Транснистрия»), а также в публикациях «Одесской газеты» (официальное издание правительства), представители румынских властей пропагандировали идею «цивилизационной миссии» Румынии на оккупированных территориях. Война на Востоке была не просто военной кампанией, а этапом построения «европейской цивилизации» в Транснистрии, что защитило бы Европу от угрозы «азиатского» советского мира (Solonari 2016: 594-595). Отсюда преклонение перед «европейским» и

---

⁵ Михай Антонеску (1904–1946 гг.) был одной из центральных фигур правительства Иона Антонеску. Он занимал ряд руководящих должностей, в том числе вице-президента Совета министров (1941–1944 гг.), министра иностранных дел (1941–1944 гг.), министра юстиции (1940–1941 гг.) и министра национальной пропаганды (1941–1942 гг.). 23 августа 1944 г. он был арестован вместе с маршалом Антонеску и доставлен в Советский Союз для расследования. В 1946 г. он был возвращен в страну, предан суду Народного трибунала в Бухаресте за военные преступления и приговорен к смертной казни. Расстрелян 1 июня 1946 г. в Жилаве вместе с маршалом Ионом Антонеску, Георгием Алексиану и Ионом З. Василиу.

космополитическим воздухом Одессы, а также перед одесской интеллигенцией и презрение к украинской культуре, связываемой с отсталостью, необразованностью, сельским образом жизни и бедностью (Solonari 2016: 595-597).

Несмотря на разговоры о построении «европейской цивилизации» в Транснистрии, провинция, все-таки, была подвергнута румынским государством жесткой экономической эксплуатации, поскольку оно и само испытывало экономические трудности из-за продолжительных военных действий. Местным крестьянам пришлось отказаться от большей части урожая, а также других продуктов (мясо, молоко, яйца, шерсть, шкуры, перья и т. д.) в пользу оккупантов. Кроме того, вывозили не только провиант. Осенью 1943 г. была официально запущена «Операция 1111», которая предусматривала перемещение в Румынию большей части заводов из Одессы (Solonari 2016: 599 и сл.).

В том же колониальном духе румынские власти проводили политику румынизации Транснистрии. Прежде всего, она была нацелена на повышение уровня жизни и социального статуса исключительно молдавского населения, пользуясь правом выделения льгот, которые не полагались другим этническим группам. Эти льготы были самыми разнообразными: выделение сельскохозяйственной техники из колхозов, значительное снижение налогов, право на владение вдвое большим количеством животных, чем у крестьян других национальностей (кроме немцев). Практиковалось также ежемесячное пособие для фермеров, прием без конкурса в Одесский университет с предоставлением стипендий и мест в общежитиях, продвижение на административные и руководящие должности – заместителей префектов, мэров (не только в деревнях и городах Молдовы, но и других территорий), руководство подразделениями полиции (Solonari 2016: 589). Следует отметить, что, в отличие от официальной дискриминационной политики, статистический и этнографический анализ, проведенный в результате переписи населения 1941–1942 гг., показал, что большинство молдаван на самом деле не считали себя чужеродными в среде местного славянского населения и особо не проявляли свою этническую самость. Их «национальное самосознание» оказалось намного слабее, чем предполагалось (Solonari 2016: 590).

Кроме того, власти запланировали этническую чистку на присоединенных землях, а также переселение сюда румын из других провинций. Хотя эксперты и бюрократы ограничились созданием и обсуждением проектов в этом отношении, военные предприняли ряд инициатив (Solonari 2016: 590 ff.). Так, в 1942–1943 гг. 3300 румын из села Молдаванское на Северном Кавказе и еще 8000 из села Дунаевка на берегу Азовского моря и из Крыма были переселены в Транснистрию для колонизации уездов Рыбница и Могилев. Украинские сельские жители из этих районов были выселены с минимумом личных вещей в Очаковский уезд, куда они прибыли в ужасном состоянии, подселившись в дома к местным украинцам (Solonari 2016: 591-592). С середины 1943 г. таких переселений больше не было, хотя губернатор Транснистрии Г. Алексиану проявлял готовность их продолжать (Solonari 2016: 592-593).

Важным аспектом в политике румынской администрации Транснистрии являлось проведение на новых территориях этнических чисток, ликвидации «нерумынских» сообществ, считающихся «опасными». Для еврейского и цыганского населения «Транснистрия в значительной степени стала синонимом террора и смерти» (Deletant 2010: 184). Целью данной работы не является описание современного состояния историографии в области исследований Холокоста в Румынии, явления сложного, неравномерного с географической точки зрения, в котором взаимосвязаны главные решения, и местные обстоятельства, институциональная структура и административная система, идеологические убеждения и причастные к этому, румынские, немецкие и украинские

преступники, военные, гражданские лица и священнослужители и т. д. (Ancel 2011; Biliuta 2020; Deletant 2008; Dumitru 2019; Golbert 2004; Heinen 2011; Ioanid *et al.* 2009; Ioanid 2019; Levene 2013; Shapiro 2013; Solonari 2010, 2017). Достаточно лишь указать на масштаб явления.

Румынские власти депортировали в Транснистрию от 154449 до 170737 евреев из Румынии – Бессарабии, Буковины, Дорохоя и Старого Королевства, из которых по состоянию на 15 ноября 1943 г. выжило лишь 49927 человек (Friling *et al.* 2004: 176-177). К началу румынской оккупации, в Транснистрии проживало от 150000 до 200000 евреев, из которых в конце оккупации (в 1944 г.) выжило только 20000 (Friling *et al.* 2004: 177-178).

Уничтожение еврейского населения Одессы началось вскоре после оккупации Транснистрии. Подрыв здания комендатуры румынских войск (радиоуправляемой бомбой, заложенной советскими войсками при эвакуации) вечером 22 октября 1941 г. заставил Антонеску отдать приказ о возмездии, после чего многие евреи были расстреляны, повешены или сожжены заживо. Приблизительное количество жертв оценивается в 20000 человек. Другая часть одесских евреев была депортирована (сначала своим ходом, затем железнодорожным транспортом) в концентрационные лагеря на берегах Южного Буга (Friling *et al.* 2004: 149-156).

На территории Транснистрии находились три больших лагеря смерти в уезде Голта, недалеко от Буга: Богдановка, Доманевка и Акмечетка, а также десятки небольших лагерей (Friling *et al.* 2004: 144-148, 156-164). Большинство жертв (как евреев, так и цыган) умерли из-за бесчеловечного обращения: принудительных маршей, во время которых казнили тех, кто не поспевал за остальными. В лагерях сохранялись ужасные условия пребывания (например, в свинарниках), нормой стала перенаселенность, недоедание и отсутствие медицинской помощи. Практиковались массовые расстрелы: например, зимой 1941 – весной 1942 г. около 48 тысяч евреев в Богдановке и 18 тысяч в Доманевке были уничтожены при сотрудничестве с украинскими полицаями, а в январе – апреле 1942 г. около 28000 евреев были казнены в различных местах в уезде Березовка немецкими частями при помощи румынских жандармов (Friling *et al.* 2004: 144-148, 156-164).

Общее число цыганского населения, согласно переписи, проведенной Антонеску в мае 1942 г., составляло 208700 человек (Friling *et al.* 2004: 230, 231). Согласно официальным критериям, основными категориями, подлежащими депортации, были кочевые цыгане, а среди оседлых цыган – лица с криминальным прошлым, рецидивисты, лица, не имевшие средств к существованию и без профессии. Всего 9471 кочевых цыган и 31438 оседлых цыган (Friling *et al.* 2004: 230). Из них около 25000, начиная с июня 1942 г., были депортированы в так называемые «колонии», расположенные на берегу Буга, в уездах Голта, Очаков, Березовка и Балта, где они жили в крайне тяжелых условиях. У них не было никаких наличных средств, почти отсутствовали продукты питания, одежда и другие предметы первой необходимости, полностью отсутствовала медицинская помощь, наблюдалась нехватка лекарств. Все это привело к гибели тысяч из них (в основном зимой 1942–1943 гг.). Весной и летом 1943 г. колонии были упразднены и ромы расселились по деревням, улучшив условия своей жизни. Примерно из 25000 цыган, депортированных в Транснистрию, около 11000 умерли, в основном от голода, холода, болезней и лишений (Friling 2004: 232-241). Однако количество смертей могло быть и больше, поскольку устные свидетельства указывают на то, что многие цыгане умерли на обратном пути в Румынию (Kelso, Eglitis 2014: 508, прим. 32).

Память о Холокосте в Румынии

После 1945 г., с началом советской оккупации и установлением в Бухаресте коммунистического режима, союз между Румынией и нацистской Германией стал запретной темой, освещался лишь период участия Румынии в антигитлеровской коалиции в 1944-1945 гг. (Vucur 2010). В период национал-коммунистического режима правления Николая Чаушеску, Ион Антонеску был частично реабилитирован и включен в число наиболее важных национальных деятелей, который, благодаря своей антисоветской политике, выдвигался на роль защитника независимости страны. Образ Антонеску, увековеченный после падения коммунистического режима в 1989 г., благодаря своему ореолу борца с коммунизмом и объединителя страны, спровоцировал бурные дискуссии в румынском обществе (Vucur 2010; Deletant 2010).

Помимо военного участия Румынии во Второй мировой войне на стороне нацистов, еще одной запретной темой оставался Холокост. В коммунистический период Холокост обычно представлялся как нечто «чуждое» Румынии, как результат влияния на страну политической и военной воли нацистской Германии или же внешних явлений, имевших место на территориях, контролируемых фашистскими союзниками (Vucur 2010: глава 5). В 1980-х гг., когда румынское коммунистическое правительство впервые начало чтить память гражданских жертв Второй мировой войны, были озвучены лишь факты зверств, совершенных в северной Трансильвании, которая находилась под венгерской оккупацией в 1940-х гг., а об уничтожении евреев и цыган в самой Румынии и в «румынской» Транснистрии замалчивалось (Vucur 2010: глава 5). Точно так же негативная политика режима Антонеску в отношении еврейских и цыганских общин на территориях, контролируемых Румынией, долгое время либо полностью отрицалась, либо подвергалась цензуре. Убийства 250000 – 290000 евреев и 10000 – 20000 цыган замалчивались, вместо этого подчеркивалось спасение 375000 румынских евреев от депортации в польские лагеря смерти (Deletant 2010). Более того, даже в воспоминаниях (отличных от официального дискурса и передаваемых из поколения в поколение семьями), вопросы, связанные с проблемой вины и форм сотрудничества с режимом Антонеску в отношении дискриминации и убийств евреев и цыган тщательно избегались (Vucur 2010: 221).

После 1989 г., в связи с политикой интеграции Румынии в евроатлантические структуры, вопросу о Холокосте стало уделяться все больше внимания: например, в 2004 г. решением правительства была создана Международная комиссия по изучению Холокоста в Румынии. Его результатом стала публикация итогового отчета (Friling *et al.* 2004). В следующем г. в Бухаресте был создан Национальный институт по изучению Холокоста в Румынии «Эли Визель» (INSHR-EW), который издает ежегодный журнал «Холокост», реализовывает различные исследовательские проекты⁶, в то же время в 2009 г. в центре Бухареста был установлен мемориал Холокоста (Kelso, Eglitis 2014). Однако отрицание, преуменьшение его последствий или релятивистское отношение, все еще присутствует в Румынии, в том числе среди государственных деятелей (Deletant 2013: 503). Обсуждение трагической судьбы евреев и цыган во время Второй мировой войны и проблем моральной ответственности за них, по-прежнему избегается. При этом продвигается дискурс виктимизации самих румын, который подчеркивает их страдания в период коммунистической диктатуры (Vucur 2010: глава 7).

⁶ Проекты INSHR-EW: <http://www.inshr-ew.ro/proiecte/> (Дата обращения: 12.03.2020).

Доминирующим в исследованиях Холокоста в Румынии сегодня остается исторический подход, основанный на архивно-документальном методе. Но сравнительно недавно INSHR-EW начал серию археологических работ в деле выявления коллективных захоронений гражданских лиц еврейской национальности, казненных румынскими властями в годы Второй мировой. В 2010 г. в братской могиле в лесу Вултурь в долине Климоаи (коммуна Попричани, Ясский жудец), были обнаружены останки 36 жертв, из которых 15 мужчин, 9 женщин и 12 детей. Скорее всего, они были убиты, согласно свидетельствам очевидцев и документальным источникам, в июне 1941 г., вскоре после начала войны с Советским Союзом (Florian 2013). Наряду с костями были также обнаружены личные вещи: остатки одежды, металлические, пластиковые или перламутровые пуговицы, пряжки, фрагменты кожаных ремней, фрагменты кожаной обуви, расчески, украшения, часы с кириллическими буквами, флакончик для духов (Florian 2013). Некоторые из этих находок составили экспозицию выставки «Прерванные судьбы. 70 лет со дня Ясского погрома», организованной в Яссах в июне 2011 г.

«Концепция выставки состояла в освещении страданий жертв этих злодеяний, а также презентации артефактов, обнаруженных в братской могиле в лесу Вултурь во время археологических исследований 2010 г. Общественности впервые были представлены уникальные фотографии, документы и свидетельства о Ясском погроме, а также предметы, обнаруженные в результате раскопок в Попричанах» (Ungureanu 2011: 7).

Результаты археологических исследований в Попричанах обсуждались на симпозиуме под названием «Междисциплинарный подход в исследованиях Холокоста. Дело Попричань» (Музей Университета «Александру Иоан Куза», Яссы, 27 апреля 2012 г.). Раскопки возобновились в 2019 г., в результате чего была обнаружена еще одна братская могила⁷.

К сожалению, румынские исследования материальных свидетельств Холокоста всегда носили эмпирический характер (доминирующий в Румынии). При этом археология считается источниковедческим приложением к исторической науке, простым техническим инструментом в поиске доказательств, полезным для реализации правового подхода к осуждению преступлений. Этот подход характеризуется отсутствием теоретической рефлексии, он чужд существующим дискуссиям во всем мире относительно роли археологии в исследованиях недавнего прошлого или современности (Blaising *et al.* 2017; Gonzalez-Ruibal 2018; Olivier 2008; Olsen, Pétursdóttir 2014). Исследования Холокоста в Румынии далеки от воплощения комплексного подхода, с которым имеем дело в других странах (Domańska 2019; Małczyński 2019; Sturdy Colls 2015a; 2015b). Археология Холокоста в Румынии до сих пор состояла (в основном, если не исключительно) из эксгумационных работ, игнорируя целый ряд данных сопутствующего характера. Таких как истории концентрационных лагерей, гетто, конфискованных предметов, наконец, память поколений, связанная с исчезнувшими общинами и т. д. Этот вакуум с другой стороны был дополнен исследователями зарубежными, вне румынской академической среды. Речь идет о превосходном труде, сделанном Марианной Хирш и Лео Спитцером о концентрационном лагере у с. Вапнярка в Транснистрии, которым румынские власти командовали во время Второй мировой войны (Hirsch, Spitzer 2006, 2010).

---

⁷ <https://www.inshr-ew.ro/gropi-comune-popricani/> (Дата обращения: 12.03.2020).

Неудобные страницы прошлого румынской археологии

В этой части я хотел бы осветить наименее известный аспект румынской политики в Транснистрии – отношение к местному культурному наследию, а также проблему активизации исследований в области археологии и истории античности по инициативе государственных идеологов. Размышления, здесь приведенные, во многом основаны на документах т.н. «Одесского досье».

Итак, некоторые историки называют Румынию «забытым союзником Гитлера» (Deletant 2010). Не знаю, насколько этот факт союзных отношений двух государств действительно забыт, но вот где точно такой оборот уместен, так это в области истории румынской археологической науки.

Три самых известных на тот момент румынских археологов были непосредственно вовлечены в работу так называемой Одесской трофейной службы: Владимир Думитреску, Раду Вулпе и Мирча Петреску-Дымбовица. На публикуемой здесь фотографии – первый и последний стоят по краям снимка (рис. 4). В. Думитреску – бывший ученик Василе Пырвана, один из основателей современной румынской археологии, бывший стипендиат Румынской школы в Риме и университетский профессор. В военное время занимал пост директора Национального музея древностей в Бухаресте (далее НМД) (Dumitrescu 1993).

Р. Вулпе окончил в 1924 г. факультет философии и литературы Бухарестского университета, параллельно работал ассистентом в НМД, после чего проходил обучение в Румынской школе в Риме и в Фонтене-о-Роз в Париже, работал на кафедре древней истории факультета философии и литературы Бухарестского университета. С 1939 г. он был профессором Ясского университета, возглавлял кафедру археологии и древностей, с 1943 по 1945 г. занимал должность заведующего отдела в Институте балканских исследований в Бухаресте (Olariu 2013a: 5-6).

М. Петреску-Дымбовица также окончил факультет философии и литературы Бухарестского университета в 1937 г., после чего посещал курсы в военном училище для офицеров артиллерии запаса в Крайове. Во время войны служил офицером связи в 3-м тяжелом артиллерийском полку, участвовал в боях под Дальником возле Одессы. Принял участие в боях под Яссами, на Восточном фронте. После окончания своей службы в Одессе осенью 1942 г., призван на фронт лишь в 1944 г., но уже на стороне антигитлеровской коалиции, после того, как Румыния развернула свое оружие против нацистской Германии. На этом этапе участвовал в боях при Турде, Эрнута и Мишкольце (Petrescu-Dîmbovița 2006: 56).

В воспоминаниях В. Думитреску и М. Петреску-Дымбовицы, мы находим много описаний событий их жизни периода 1941–1944 гг., но в отношении сотрудничества с Одесской трофейной службой либо ничего не сообщается (Dumitrescu 1993), либо делается лишь несколько кратких, пространных упоминаний (Petrescu-Dîmbovița 2006). Так, второй из них пишет: «В период с 1 ноября 1941 г. по 30 сентября 1942 г. я был мобилизован в Трофейную службу румынской армии в Одессе – подразделение, которое в этот период действовало с одной лишь целью: изъятие трофеев в пользу румынской казны» (стр. 8). На стр. 55-56 он добавляет: «После волны мобилизации в Одессе в подразделение Генерального штаба в 1941–1942 гг., я снова был мобилизован уже в 1944 г. [...]». С одной стороны, замалчивание факта существования архива «Одесского досье», совершенно понятно, если учесть, что мемуары были написаны из расчета их публикации в коммунистический период, между 1969 и 1973 гг. Правда в 1981 г., автор их подправил

и немного дополнил. Тем не менее, уклонение от этой темы имело место и во второй редакции, перед публикацией, которая состоялась уже после падения советского режима. Такую скрытность трудно объяснить опасениями возможных репрессий со стороны коммунистической власти. Вероятно, участие в работе Одесской трофейной службы продолжало оставаться слишком деликатным сюжетом биографии автора даже после смены режима и доминирующей государственной идеологии Румынии.

Такое же отношение к теме можно заметить и в текстах, посвященных биографии Р. Вулпе. Например, в его некрологе, подписанном Виорелом Капитану в 1983 г., ничего не сказано о деятельности ученого в Транснистрии во время Второй мировой войны:

«С 1926 по 1939 гг. профессор Раду Вулпе находился на кафедре факультета литературы и философии в Бухаресте в качестве ассистента, профессора и доцента, а с 1939 по 1945 г. – профессора университета на кафедре археологии. На факультете литературы и философии в Яссах он работал в период с 1942 по 1944 г. в должности декана» (Căpitanu 1983: 266).

В тексте 2013 г. упоминается, однако, следующее: «Он был обвинен в [...] работе на Одесскую трофейную службу (СКОД) Румынской королевской армии». В «1941–1942 – как офицер румынской армии, он был командирован в Одессу в состав Трофейной службы» (Olariu 2013a: 7; 2013b: 13). Краткий характер этих ссылок скорее указывает на то, что автор стремится избежать и минимизировать эти сведения.

Дополнительную информацию можно найти в опубликованной в 2016 г. статье о деятельности Р. Вулпе (Olariu 2016). «Одесский период освещен примерно на трех с половиной страницах исключительно на основе информации из личного дневника Р. Вулпе за 1933–1946 гг. По словам автора, он страдал от холода, голода и материальных невзгод, «как и остальные горожане», но при этом вносил свой вклад в развитие общего благосостояния города вместе со специалистами своего подразделения, принимал участие в организации работы учреждений, фабрик и пекарен Одессы» (Olariu 2016: 43). Он также противился, но безуспешно, изъятию коллекций из местных музеев. Например, коллекции антикварных сосудов. Он пытался тратить силы на инвентаризацию и фотографирование предметов, в чем ему помогал М. Петреску-Дымбовица (Olariu 2016: 44, 45-46). Среди прочего, «он принял участие в работе учебных курсов, организованных Яским университетом в Тирасполе под эгидой властей Транснистрии для молдавских учителей, проживавших за Днестром». Он даже прочел лекцию о Молдове в древности (Olariu 2016: 46), однако о ее содержании нет никаких свидетельств.

На страницах этих воспоминаний румынская администрация Одессы характеризуется как вполне «обычная»: «Когда я вернулся в Одессу, жизнь стала налаживаться. Заводы начали работать регулярно, гражданская администрация с румынским персоналом также работала нормально». В музее Р. Вулпе и его коллегам удалось получить неплохую зарплату и дополнительную буханку хлеба на день. Население смотрело на них с симпатией, опасаясь лишь того, что румынская администрация будет заменена немецкой (Olariu 2016: 45).

О судьбе евреев в Одессе того времени написан всего один абзац, он приведен без всяких комментариев со стороны Д. Олару: «В январе здесь началась массовая эвакуация еврейского населения. Десятки тысяч человек были отправлены в лагеря посреди суровой зимы, когда температура упала до -40 градусов. Никакого исключения не могло быть сделано даже для интеллигентов или художников» (Olariu 2016: 44-45).

Документальные источники, к которым имела доступ Д. Олариу, были ограничены всего лишь личным дневником Р. Вулпе. Тем не менее, автор не предлагает даже его контекстуального анализа, а ограничивается построением положительного образа деятельности Р. Вулпе. В рамках этого повествования исследователь представлен как «жертва», несправедливо изгнанная в 1945 г. из Ясского университета, в том числе по причине своей деятельности в оккупированной Одессе (Olariu 2016: 47).

Официальные документы по истории археологической науки в Румынии, в том числе и опубликованные после 1989 г. (Petolescu 1984; Comşa 1984; Păunescu 2003), хранят молчание по этим эпизодам. И хотя ряд исследователей из Института археологии им. Василе Пырвана Румынской академии наук в Бухаресте (далее ИАВП) с 2005 г. привлекаются к участию в международном проекте «Архивы европейской археологии» (в число исследовательских направлений которого входят такие темы, как «Археология без границ» и «Археология при диктаторских режимах»), документы из «Одесского досье» архива Института, так и не стали предметом каких-либо исследований (см. подборку материалов из журнала *Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie* 58, № 3-4, 2007, стр. 191-344). И этот факт весьма красноречив.

Впервые общий обзор архива «Одесского досье» был опубликован автором этих строк в разделе, посвященном истории румынской археологии в журнале *Studii de Preistorie* (Dragoman 2016). Но в этой книге представлен куда более широкий документальный базис, озвучена новая аргументация.

В этой работе мною использованы материалы двух основных категорий. Первая состоит из документов Фонда D, ИАВП, который содержит документы бывшего Национального музея древностей (НМД) (систематизированные по годам) за 1941–1944 гг. Этот свод документов из Бухареста в значительной мере дополняется серией синхронных материалов, обнаруженных Андреем Красножоном в архиве Одессы. Вместе мы решили опубликовать сводный корпус документов (в Приложении III), чтобы предоставить заинтересованным читателям доступ к исходным источникам информации, которые могли бы стать базой для новых, дальнейших исследований. Как уже говорилось в статье «Преисторические исследования», вполне возможно, что помимо этих, открытых документов, сохранились и другие – в архивах институтов и музеев истории, археологии Румынии, Украины или Российской Федерации.

Вторая категория материалов, которая способствует лучшему восприятию контекста «Одесского досье», представлена четырьмя радиовыступлениями Р. Вулпе, обнаруженных и обработанных моим коллегой, Катэлином И. Николае (в Приложении II).